

И снова
слышать «прости» ...
рассыпаться на мелкие кусочки ...
почему я из года в год
чувствую, что кому-то
нужна ...

Однажды ты снова
улыбнешься

Эльвира Фатхутдинова

Эльвира Фатхутдинова

Однажды ты снова улыбнешься

«Автор»

2023

Фатхутдинова Э.

Однажды ты снова улыбнешься / Э. Фатхутдинова — «Автор»,
2023

«Ася забралась на подоконник, встала. Голова кружилась, в ушах стучало. Всего шаг отделял от свободы. Облизнула пересохшие губы, зажмурилась. И...» Как успешный московский врач Асия Маратовна оказалась на краю жизни? Что она выберет: остаться в разрушающих отношениях или отказаться от всего, чтобы обрести себя? Какой шаг совершит на холодном берегу Баренцева моря? Откройте книгу о жизни обычной женщины, на страницах которой будут: ранние потери и теплые воспоминания детства, боль одиночества и взаимная любовь, достижения и провалы. Где каждая новая глава станет ступенькой к глубоким внутренним изменениям героини, а вместе с ней, и читателя.

© Фатхутдинова Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Слово редактора	5
Пролог	6
Часть 1. Танец юности	7
Глава 1. Расскажи, как всё было	7
Глава 2. Никогда не стану такой, как она	9
Глава 3. Давай жить вместе	11
Глава 4. Малое, что могу сделать для тебя	13
Глава 5. Всегда одна	14
Глава 6. Игра в дружбу	15
Глава 7. С меня хватит!	16
Глава 8. Сегодня уже не до танцев	18
Глава 9. В жизни случаются чудеса	20
Глава 10. Ты можешь нарисовать свою историю	22
Глава 11. Первые штрихи	24
Глава 12. Зачем я с ним пошла?	26
Глава 13. Не виноват он	27
Глава 14. Прощай	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эльвира Фатхутдинова

Однажды ты снова улыбнешься

Слово редактора

Счастливица, покорившая столицу, создавшая крепкие отношения с мужчиной мечты и завидную карьеру врача... или обездоленная девочка из башкирской глубинки, подсознательно уверенная, что ее невозможно полюбить?

Главная героиня романа «Однажды ты снова улыбнешься», Ася, внешне вполне благополучна, но внутри скована цепями детских обид и взрослых переживаний.

Найти силы простить самого важного человека в жизни ей помогает погружение в океан памяти. Для этого она мысленно возвращается в далекое прошлое, запомнить которое почти невозможно.

Тонко выстроенный сюжет научит и Асю, и читателя, не терять связь с собой и с внутренним младенцем. Потому что даже когда кажется, что самый значимый взрослый отвернулся и предал, в мире найдутся люди, которые бескорыстно полюбят чистую душу.

Проработка страхов и терзаний приведет к восстановлению связи с родом и освобождению от горечи душевного одиночества.

Эта книга-исцеление покажет поэтапную глубинную трансформацию героини, которую вы пройдете вместе с ней, след в след.

Возможно, это то, что нужно именно вам.

Алия Росси, редактор книги «Однажды ты снова улыбнешься»

Пролог

За окнами грохотали фейерверки, раскрашивая первоянварское небо яркими красками и призрачными надеждами. Две тысячи двадцатый ворвался в жизнь Аси дерзко и стремительно. Не успела опомниться, как пронесся декабрь в сером пальто, оставив грязные брызги на московских улицах и в ее душе.

Женщина прошла по пустой квартире. Звонко слетела на каменный пол серебряная заколка, на плечи упала тяжелая россыпь густых волос цвета гречишного меда. Зеркало отразило женский силуэт в брючном костюме и свет зажженных свечей. Пространство наполнилось отблесками воспоминаний. Башкирская глубинка, лучший медицинский вуз страны, своя клиника, запретная любовь.

Звук входящей смски гулким эхом разлился по просторным комнатам, отразился от высоких потолков и растаял в пугающей тишине. «Асия Маратовна, я родила! Девочка, 9 из 10 по Апгар. Благодарю!» Устало улыбнулась, отведя взгляд от мерцающего экрана. Еще одна жизнь, отвоеванная у судьбы вопреки прогнозам. Только горечь собственной потери не заглушить, даже спустя семнадцать лет.

Тепло. Тихо. Темно.

Всё затаилось в ожидании перемен. Казалось, и часы замедлили непрерывный бег. Что там впереди: смерть или рождение?

Тик-так.

Замереть, исчезнуть, забыться. Чтобы ничего не напоминало о событиях последнего месяца. Чтобы стереть всю боль брошенных слов. Чтобы не чувствовать, не ощущать, не быть.

Тик-так.

Принять свое состояние. Признать то, что уже нельзя изменить. Попробовать распахнуть крылья и шагнуть в неизвестность. В новую жизнь. Туда, где нет его.

Тик-так.

Время мчалось вперед, отсчитывая секунды ее теперь уже никчемной жизни. Из раскрытого окна доносился звонкий девичий смех, залетали кружевные хлопья новогоднего снега. Город дышал морозным безразличием и манил обещанием вечного спокойствия.

Ася забралась на подоконник, встала. С высоты семнадцатого этажа центр Москвы завораживал раскрывающейся панорамой. Вид, который влюбил с первого взгляда, теперь стал чужим. Голова кружилась, в ушах бешено стучало.

Всего шаг отделял от свободы. Облизнула пересохшие губы, зажмурилась. И...

«Кызым¹!» – отчетливо услышала родной голос и ощутила нежное прикосновение. Совсем как наяву. Не помня себя, спустилась на пол. Обхватила плечи и впервые за долгие месяцы разрыдалась.

¹ Кызым (татар.) – доченька, также используется при обращении к внучке.

Часть 1. Танец юности

Глава 1. Расскажи, как всё было

Утреннее солнце рисовало узоры на замерзших окнах. Лед на стеклах и холод ночного кошмара таяли от его ярких зимних лучей. Ася смахнула остатки странных видений из мыслей, собрала растрепавшиеся волосы. Из кухни доносились привычные звуки: еле слышное бормотание бабушки, шум посуды, а вместе с ними долетал и аромат свежего хлеба.

Второе февраля тысяча девятьсот девяносто восьмого. В этот день, уже шестой год подряд, готовились к поминальному обеду.

Часы бойко пробили семь раз. «Проспала!» – быстро натянула колочие шерстяные носки, спрыгнула с кровати.

– Доброе утро, абием²! – Обняла, вдохнула родной запах спокойствия и домашнего очага. Что бы ни случилось – под крылом бабушки она всегда находила приют и ответы на все вопросы. Можно было просто молчать и чувствовать поддержку, любовь, незыблемость своего маленького мира.

– Что же меня не разбудила?

– Так ведь ты совсем плохо спала.

– Опять ее звала?

– Звала, милая. – Шершавая ладонь пригладила пушистый ореол завитков на макушке внучки. – Пойдем-ка лучше в печь заглянем.

Сладковатый запах горячего хлеба нежной пеленой окутывал кухню, щекотал ноздри и разжигал аппетит. Нетерпеливо зашумел чайник, ему вторило урчание в животе: вчера Ася не хотела ужинать, рано забылась беспокойным сном. Помогла бабушке вытащить свежее испеченные пузатые кругляши. Бережно укрыла вафельным полотенцем, коснулась красного узора на кайме – уже четвертое поколение женщин в роду оберегает орнамент, что вышила Гагдия-аби почти век назад.

Потом наблюдала, как бабушка выбирает травы: берет холщовый мешочек, держит в руках, прислушивается к ощущениям, отсыпает щепотку, другую. Смотрела, как она перемешивает сухие листья в большом заварнике, заливает их горячей водой. Как из носика чайника тайком убегает тонкая струйка пара, приглашая невесомые частички пыли на танец в солнечной полоске. Утренние часы вдвоем Ася особенно ценила: привычные действия успокаивали, настраивали на позитивный день.

Сжала в руках любимую чашку, глотнула согревающий напиток.

– Абием, расскажи, как всё было, – расплескала слова, которые давно жгли душу. Решилась спросить о главном – о том, что всегда считалось закрытой темой. Ей было важно узнать, что произошло на самом деле. Именно сегодня.

Бабушка удивленно взглянула на внучку из-под съехавших на кончик носа очков. Понимала, что услышит эти слова. Много раз проговаривала про себя, что можно и нужно раскрыть, а что – нельзя. Боялась. Нет, не воспоминаний. С ними она давно свылась. Реакции. Не знала, как воспримет Ася. Хотела уберечь, защитить. Как и все шестнадцать лет со дня ее рождения. Но дальше молчать было нельзя.

² Абием (татар.) – бабушка, бабуля.

– Кызым, – присела рядом с внучкой, обняла. Прикрыла глаза. Горькая влага печали скатилась по щеке. Глубоко выдохнула, чтобы начать рассказ о женщине, которой шесть лет как нет в живых, – своей дочери, маме Аси.

Глава 2. Никогда не стану такой, как она

Во взгляде Аси смешались предвкушение радости от неизведанного и страх узнать тайну рождения. Ее испугала реакция бабушки, захотелось вернуть сорвавшийся вопрос. Не решилась.

Мадина́ Талга́товна несколько минут молчала, пыталась распутать клубок воспоминаний. С годами становилось труднее собраться с мыслями. Не то что во времена школьного преподавания. Тогда строгие математические формулы выстраивались в четкой последовательности, а теперь становились размытыми, сбегали в глубины подсознания стареющего учителя. Но ум оставался таким же острым, а память – ясной. Как бы ни хотелось многое забыть, вычеркнуть из книги судьбы.

В печи тихо трещали дрова, на плите ворчливо сопел казанок с бульоном, пожилая женщина устало начала рассказ.

– Гузалия училась в девятом классе, когда в нашу деревню переехала молодая семья. Он – статный, высокий, спортивный. Она – щуплая, низенькая, болезненная. Он – педагог истории, она – медсестра. В учительской никак не могли понять, что связало в одну семью таких разных людей. Уже позже мы узнали, что Марат женился на Алине по давнему договору родителей. Ни любви, ни привязанности между ними не было, только скупой расчет. Старшеклассницы как с ума посходили от нового учителя: подкарауливали после уроков, подкидывали записки в тетрадки с домашними заданиями.

Второе полугодие жизнь так и кипела в школьных коридорах.

Поначалу Марат Артурович сторонился поклонниц, с коллегами держался холодно. Но весной начали поговаривать, что у него роман с кем-то из учениц. С кем именно – никто не знал, никто ничего не видел.

Я целыми днями пропадала на работе: один математик на всю школу. Приходила поздно. Гузалия всегда сама работу по хозяйству делала, не жаловалась, еще и в деревенский клуб вечерами бегать успевала. Бойкая, веселая, полная сил. А потом вдруг притихла: стала молчать и глаза прятать. Как будто хотела что-то сказать, да не могла. Разговаривали-то мы с ней по душам нечасто, не привыкли делиться тем, что на сердце.

Помню как сейчас: пришли домой после последнего звонка, еле донесли огромную охапку сирени до крыльца. Присели на ступеньки, а она как выпалит: «Я жду от Марата ребенка! Люблю его, и он меня! Сказал, что бросит жену. Уедем мы». Вскочила, щеки пылают. А мне дурно стало. Так и хотелось хорошенько ее встряхнуть.

Эх, глупая! Да что толку. Ей и шестнадцати-то тогда не исполнилось. Влюбилась и слышать ничего не хотела. Знала я, что не уйдет он из семьи. Но решилась сама поговорить – как коллега с коллегой, взрослый со взрослым. А он...

Бабушка беспомощно махнула рукой, пытаясь скрыть слезы и боль, которую не смогли заглушить даже годы.

– Но мама же рассказывала, что папа погиб в Афгане, так и не узнав обо мне! А фото и письма сгорели в том пожаре! – Ася отчаянно цеплялась за крохи семейной истории, пытаясь сохранить то, что досталось ей в наследство, а сейчас рассыпалось прямо на глазах.

– После завершения учебного года он забрал из отдела кадров документы и уехал. Со своей женой, – почти шепотом ответила Мадина, крепко сжимая ладошки внучки. – Твоя мама не находила места от горя. Порывалась найти его, но беспокойная беременность не давала заняться поисками. Гузалия почти не выходила из больницы в райцентре. Там-то она и изменилась. Стала еще более тихой и молчаливой – лежала, как кукла, ни с кем не общалась.

Лишь к новогодним праздникам врач разрешил вернуться домой. Боялась я оставлять ее одну. Но в середине января пришлось уехать в город за лекарствами. Тогда и случился окаянный пожар.

– Мама была в доме в это время? Но это же случилось за день до моего рождения!

– Была. Беда в том, что она же пожар и устроила.

Строки истории собирались в полную картину жизни. Неприязнь матери, холодность и пустота в отношениях с ней, единственной дочерью. Вымышленные фрагменты. Забота и любовь, которыми окружила бабушка с рождения. Всё обретало четкость, только одно пятно оставалось размытым.

– А что же... отец? Он так и не узнал, что я родилась?

– Сначала мы не могли его найти. На все запросы – тишина. Когда тебе исполнилось два года, пришла весть: Марат с женой и ребенком погибли в автомобильной аварии.

– И тогда... Тогда она меня бросила?

– Уехала в город. Чтобы устроиться и забрать тебя.

– Ты сама в это не веришь! Она меня бросила! – обида вырвалась соленым потоком безудержных рыданий, освобождая сердце и душу.

Мадина Талгатовна бережно качала в объятьях рано повзрослевшую внучку. Постепенно дыхание становилось ровнее, всхлипы – реже. Ася на мгновение замерла и с отчаяньем выдохнула:

– Я никогда не стану такой, как она.

Глава 3. Давай жить вместе

Весна уверенной поступью вошла в Алмалы и мысли Аси, стерев прогорклый осадок мыслей о матери. Годовые контрольные в школе, огородные дела дома. На страдания и слезы не было времени.

После майских праздников, когда сходил последний рыхлый снег, они с бабушкой каждый год убирались на могилах мамы и деда.

– Абием, я прогуляюсь, ладно? – Ася стянула с головы платок, когда они вдвоем вышли за калитку деревенского кладбища.

Мадина Талгатовна взяла из рук внучки банку с краской, кисточки. Беспечно посмотрела. Что же скрывается за молчаливой маской безразличия девочки?

– Всё нормально, правда, – заметив задумчивое лицо бабушки, Ася тепло ее обняла. Резко развернулась, чтобы спрятать навернувшиеся слезы, и быстрым шагом направилась в сторону реки. Туда, где раскинулся яблоневый сад.

Так хотелось забыть о матери, пожаре, обмане. Закрывать на замок ларец, где хранятся обрывки воспоминаний. Уже казалось, что получилось. Но сегодняшний день всколыхнул волны эмоций, поднял ил обиды со дна подсознания и вернул мысли в прошлое.

Запахавшись и устав от тревоги, Ася остановилась.

Легкий ветерок бережно коснулся щек. Непривычно жаркое для мая солнце рассыпалось бликами на косичках медового цвета, осушило соленую влагу на щеках. Природа наслаждалась почти летней погодой и разукрашивала полянку сочными красками первой зелени. В воздухе растекался сладковатый пряный запах.

– Зацвели! – Обветренных юных губ коснулась улыбка, Ася забежала на пригорок и увидела внизу нежно-розовую пелену яблоневых лепестков. Заброшенный сад оживал каждую весну. Деревьев было много, без ухода они почти не плодоносили, но с надеждой и стойким упорством из года в год встречали погожие дни цветением. К южному краю сада примыкал полуразрушенный старинный особняк.

Асе нравилось проводить здесь время. Слушать, как в кронах деревьев плутает ветер, наблюдать за стайками шумных воробьев, бродить по лабиринтам старого дома. Представлять, как изнеженные барышни в изящных нарядах прогуливались по тропинкам, и воображать себя одной из них. «Вот бы жить во времена царской России! Балы, шелковые платья, кавалеры. Похоже, я родилась не в тот век», – грустно вздыхала девушка, присаживаясь на скрытые густой зарослью трав ступеньки.

Облако яблоневых ароматов окутывало спокойствием. Ветви гладили макушку, словно баюкали. Солнечные лучи рисовали причудливые узоры теней, которые подрагивали, даря умиротворение. Буря в душе затихала. Голова склонялась к нагретой шершавой стене крыльца. Полудрема звала за собой в выдуманные миры.

Из грез вытряхнуло настойчивое «мяу». Ася увидела острые уголки ушей, шкродливую мордочку и настороженный взгляд огромных серых глаз. Маленькое рыжее создание с любопытством уставилось на нее.

– Эй, кроха, ты откуда взялся? – Девушка протянула руку, но малыш юркнул в укрытие между камней. – До деревни пара километров, сам бы ты сюда не дошел. Неужели выбросили? Или хотели утопить?

Злость на несправедливость и жестокость жизни остро кольнула душу. Ася поняла, что не сможет его оставить. Он так похож на нее саму – потерянный и одинокий.

– У меня хотя бы бабушка есть, а у тебя совсем никого. Будем жить вместе? Что скажешь?

Котенок боялся покидать убежище. Лишь торчащие кончики длинных усов выдавали его присутствие. Прислушивался, словно пытаясь понять, можно ли довериться.

– Знаю, она не любит животных, поэтому не разрешает никого заводить, – продолжала Ася, уговаривая то ли себя, то ли малыша. – Но в этот раз я не отступлюсь. У тебя будет дом. Настоящий дом.

Робким «мяу» рыжий дал согласие. Осторожно, на полусогнутых лапках подполз к девушке, прыгнул на коленки и тихо-тихо замурчал, прячась в платок. Облезлый хвост раскачивался из стороны в сторону, разгоняя мрачные думы прошедших дней.

Глава 4. Малое, что могу сделать для тебя

Ася почти летела домой, наполненная ощущением перемен и воодушевленная невесомым комочком в руках. Котенок доверил ей жизнь, а еще подарил то, чего у девушки не было за все ее шестнадцать лет. Простое и такое важное тепло дружбы. Искренней. Настоящей.

– Всё у нас будет хорошо. С бабушкой договоримся, не бойся. Искупаю, накормлю тебя. Знаешь, какое вкусное молоко у нашей Машки? Особенно сейчас, весной. Особенно когда парное, свежее. М-м-м.

Жалобное «мяу» вторило голодному урчанию в животике крохи.

– Скоро, маленький. Еще чуток, и мы дома. – Ася прибавила шаг.

Через опушку березового леса, что манила смолистым ароматом сережек и первых ярко-зеленых листьев. Мимо накренившихся заборов деревенского колхоза, где в ожидании ремонта вразвалку стояли трактора и комбайны. Под кружевной сенью ветвей вишни, что свисали с давно забытого участка. Пробежала по тропинке вдоль горы, свернула вправо, и вот уже показались родные голубые ворота.

– Пришли. – Девушка уверенно толкнула калитку во двор, настроившись на решительный разговор с бабушкой. От быстрой ходьбы сердце бешено стучало, гулко отдаваясь в висках. Котенок еще глубже спрятался в платок, словно почувствовав волнение хозяйки.

Бабушка возилась на клумбе – высаживала бархатцы. Густой и терпкий запах рассады поднимался от сырой земли и растворялся в прозрачном весеннем воздухе. Пройдет несколько недель, солнечные шары наберут силу и разукрасят пространство около дома в разные оттенки желтого: от лимонного до красновато-коричневого. А пока это лишь робкие побеги в умелых и заботливых руках.

– Абием, знаю, ты всегда была против. Но он такой маленький, хороший. И совсем одинокий. Все его бросили, а я нашла. Он доверился мне. Я всё сделаю, что ты скажешь, только давай он будет жить с нами. Спать может в коридоре или даже на крылечке, пока тепло. Не будет никаких проблем. Обещаю, – протараторила Ася, боясь остановиться и сбиться. – Оставим?

– Кого? – бабушка присела на перевернутое старое ведро, что служило ей опорой в минуты передышки, и растерянно посмотрела на обычно молчаливую внучку.

В ответ раздалось:

– Мяу.

– Это... Это Рыжик. – Девушка извлекла из-за пазухи маленький грязный клубок с длинными усами. Теперь две пары глаз умоляюще смотрели на Мадину Талгатовну. Ну как тут откажешь!

– Но если он хоть раз дома нагадит или натворит чего! – бабушка пригрозила испачканным в земле пальцем сразу обоим.

– Это значит «да»? Мы его оставим? – Ася не верила своему счастью. Даже не пришлось уговаривать, а она столько доводов в пользу малыша подготовила по дороге.

– Оставим, оставим. Искупай только это чудо блохастое.

– Спасибо-спасибо-спасибо, абием! – Внучка подскочила к бабушке и стала осыпать поцелуями морщинистое лицо. Та смущенно замахала руками под натиском подростковых эмоций.

– Это лишь малое, что могу сделать для тебя, – утерев краем платка слезу, прошептала Мадина вслед убежавшей в сторону бани Аси.

Вечером на крылечке старого деревянного дома прохладный весенний закат встречали уже трое: бабушка с внучкой – за вязанием, котенок – за плетением извилистых лабиринтов из пряжи.

Глава 5. Всегда одна

Солнце стыдливо пряталось за кромкой горизонта, набираясь сил перед новым днем. Деревню сковало чутким предрассветным сном. Еще полчаса – и первые лучи коснутся крыш домов. Во дворах загорланят задиры-петухи, ленивой поступью потянутся в стадо коровы. Во время полива в огородах засияют маленькие радуги. Зажмешь отверстие шланга наполовину пальцем, и вода ярким дождем упадет на густые заросли моркови, лука, свеклы. Кисти рук заледенеют, ноги покроются грязными брызгами.

Но всё это случится позже, а сейчас – время наедине с собой.

Ася любила рано поутру выскользнуть из дома и забраться на гору, что начиналась сразу за воротами. Подниматься неспешно, прислушиваясь к шепоту разнотравья. Вдыхать аромат летних цветов. Идти без остановки, чтобы на самой вершине оглянуться на деревню.

Там внизу вдоль трех основных улиц громоздились нестройными рядами дома, сараи, бани, а между ними зеленели яркие пятна насаждений. В центре высились три этажа нового здания школы. С севера и запада Алмалы охраняла гряда покрытых ковылем холмов. С южной стороны огибала речка, сдерживая наступление леса. Этот пейзаж девочка нарисовала бы и с закрытыми глазами, не упустив ни одной детали.

Вот и сейчас, в августовское утро, Ася прошла знакомым маршрутом. Здесь, на еще прохладной с ночи земле, она могла расправить крылья мечты, позволяя мыслям медленно проплывать, телу – расслабляться, душе – отправляться в свободный полет. И тогда почти волшебным образом находилось решение даже сложных проблем.

Но с одной тяжелой думой никак не получалось справиться. Близились начало учебного года – как его пережить?

В школе Ася была одиночкой: неудивительно для той, что числилась скромной отличницей с обычной внешностью и таинственной семейной историей. Только авторитет бабушки – заслуженного учителя – защищал от едких нападок одноклассников. Девочка ни с кем не конфликтовала, но и ни с кем близко не общалась. Пока не появилась она – самоуверенная троечница с яркой внешностью и выдающимися амбициями. Копна пшеничных волос, дерзкий блеск изумрудных глаз, милая улыбка – Алина привлекала внимание, очаровывала, влюбляла. Ася впервые доверилась новой и единственной подруге, открыла ей душу и горько поплатилась. Поздно распознала фальшь в словах и поступках Алины. «Лучше бы не слышала тот разговор!» – поддавшись воспоминаниям, яростно швырнула шершавый камешек, что теребила в руках. Он гулко ударился о валун на склоне, разбудив запоздавшую зарю.

Выглянул звонкий первый луч нового дня. В домике на окраине распахнулось окошко. Ася помахала бабушке и начала медленно спускаться.

– Я – умная, сильная, настоящая. Так говорит абием, – девочка повторяла слова, как мантру, в уверенности, что они помогут и сейчас. – Справлюсь.

А в голове крутились обрывки подслушанной беседы.

Глава 6. Игра в дружбу

– Зачем тебе эта дуреха? Итак целый год провозилась с ней.

– Может, она и дура, но умная, блин, – хрипловатый голос Алины потонул в смехе одноклассниц и облаке сигаретного дыма. – Вот, к примеру, у вас че там с оценками?

– А че у нас? Нам пойдет, – махнула рукой Зуля, – в коровнике аттестат не спрашивают! – Дочка главного механика колхоза принялась изображать процесс дойки.

Девчонки загоготали громче прежнего. Школа для большинства была лишь необходимым минимумом, вакансий в деревне на всех хватало. Так чего стараться? Про амбиции и карьеру здесь никто не помышлял. Судьба каждого была определена с пеленок: где родился, там тебе и рабочее место.

Алина поднялась с корточек, смахнула тонкими пальцами пепел, затянулась. Короткая футболка продемонстрировала стройную фигуру и расплуженное лицо Ди Каприо на пышной груди. Джинсы с настоящим, по словам обладательницы, лейблом Levi's на заднем правом кармане подчеркивали длинные ноги. С первого дня в школе девушка стала выделяться на общем серо-коричневом фоне. Не только внешностью. Была в ее манерах высокомерность, скрытая под маской общительности.

– А я здесь оставаться не собираюсь. Придется еще годик поиграть в дружбу с этим ботаном в юбке.

Ася не помнила, сколько простояла тогда у окошка. Когда ребята разошлись после классного часа, она осталась убирать в кабинете биологии, рассортировать книги, которые отложила ей на лето Светлана Руслановна. Потом услышала доносившиеся с улицы знакомые голоса. Хотела окликнуть, ринулась к окну, но споткнулась и упала. Когда поняла, что говорят о ней, замерла, сидя на полу и прижавшись спиной к стене.

Каждое слово разбивало веру в людей. Соленая влага отчаянья текла по щекам. Тело сковало холод разочарования. Ася горевала без единого звука, коря себя за доверчивость.

Убежать. Забыть. Спрятаться. Снова стать невидимой для всех, погрузиться в книги и в собственный мир, безопасный, свободный и тихий. Где нет страха быть осмеянной. Где никто не узнает о ее чувствах, даже бабушка. Тем более она предупреждала, просила держаться подальше от навязчивой подруги.

Ася отерла рукавом слезы с лица:

– Я что-нибудь придумаю.

Глава 7. С меня хватит!

– Значит, ты считаешь, лучше напрямую сказать? – Ася медленно ходила по потертому ковру: стопа к стопе, кругами. Словно пыталась заполнить пространство. Заполнить без пробелов – что в комнате, что в мыслях. Бессонная ночь отомстила туманом в голове, но одарила решимостью: сегодня нужно сделать важный шаг.

Котенок отозвался задумчивым «мур-р-р», нежась в уютных лучах августовского солнца и наблюдая за метаниями хозяйки. Уже больше часа девушка разговаривала то со своим отражением в зеркале, то с Рыжиком, надеясь найти подтверждение смелым идеям.

Нужно прекратить дружить с Алиной. Но как?

– Может, просто перестать общаться? Не замечать. Проходить мимо. Блин-блин-блин. С ней это не пройдет. Прилипнет – не отстанет, пока я не заговорю.

Рыжику надоело мельтешение перед глазами, он спрыгнул с кровати и начал коготками цепляться за носочки Аси, словно подталкивая ее к выходу.

– Ну что ты делаешь, дурашка! – Подхватила любимца на руки, уткнулась носом в нежную шерстку. Выдохнула. Отважилась. – Я готова. Пойду к ней и скажу как есть.

Быстро, чтобы не дать себе времени передумать и остановиться, девочка сбежала с лестницы и устремилась к калитке. В голове не осталось ничего, кроме решимости и четкого алгоритма действий. Спуститься с пригорка на главную улицу. Домчаться до деревенского клуба. Прощмыгнуть мимо распахнутых дверей магазина. Завернуть в переулок. Отсчитать нужный дом: первый, второй, третий.

Когда добралась до места, поняла, что теперь нет ни минуты на раздумье. Ее заметили.

– О, Аська. Хеллоу. Ты чего здесь бродишь? Соскучилась что ль, солнце мое? – приторный аромат жвачки и лжи обдал Асю. Развязная, двуличная, но невозможно красивая Алина открыла калитку, пустила гостью в сад и приобняла ее за талию. – А мы с девчонками вчера так круто погуляли, отмечали мой приезд. Че не пришла-то?

– Я, я... ты меня не звала, – Ася растерялась и почувствовала, как ее окутывает паутина слащавого подхалимства. Высвободилась из цепкого плена, убрала с поясницы руку Алины, сделала шаг в сторону. – У меня нет привычки заявляться без приглашения.

– Ой, какие мы нежные и скромные, – блондинка хохотнула, дернула Асю за аккуратную косичку, вальяжно прошла до беседки и уселась в кресло-качалку. – Не дрейфь, подруга. Я ж любя.

Резкий порыв ветра поднял пыль. Зашумели ветви старого дуба. Тяжелые тени облаков закрыли ласковое солнце. На деревню надвигалась гроза. Тянуть дальше не было ни времени, ни смысла. Ася глубоко вздохнула и серьезно произнесла:

– Я всё знаю. Знаю, что общаешься со мной только из-за учебы. Знаю, что смеешься за спиной. С меня хватит. Больше никаких домашек, рефератов, контрольных. Делай сама, «подруга».

– Ты че несешь? Что значит «сама»? – Узкий прищур потемневших глаз напугал Асю, но она не отвела взгляд.

– Я ничего не буду делать за тебя.

– Ну это мы еще посмотрим. Приползешь обратно как миленькая, – Алина зло ухмыльнулась, достала сигареты, чиркнула спичкой, затянулась.

– Нет, – кисти рук сжались, чтобы унять дрожь, тело само собой развернулось прочь.

– Сучка, – брошенное вслед слово болью отозвалось в груди. Но Ася ничего не ответила, лишь грустно улыбнулась.

Закрываясь, хлопнули ворота. Вспышка молнии. Гром. На землю упали крупные капли дождя. Ася медленно шла домой. Уверенная, гордая. Наконец-то разобралась с проблемой. Сделала выбор и озвучила собственное мнение. «Я справилась».

Глава 8. Сегодня уже не до танцев

Они появились в деревне неожиданно. С первыми криками петухов и последним протяжным «ква-а-а» ожил заброшенный дом на окраине.

Скрипучие ставни распахнули три окошка навстречу алому диску восходящего солнца. Двое мужчин по-хозяйски сновали по двору, наводили порядок. Чуть прихрамывая на левую ногу, седовласый старик заносил вещи в летнюю кухню. Второй, молодой, приводил в порядок территорию. «Вжух-вжух» – отрывисто пела коса в сильных руках. Аромат свежескошенной травы растворялся в рассветном зябком тумане, оседавшем серебристой росой на взъерошенной копне черных волос.

Было в парне что-то необычное, даже пугающее. Слишком отличался он от местных ребят. Ася тайком изучала нового соседа, пока не поняла, что он заметил ее взгляд. Девушка смущенно отвела глаза и поспешила за коровой Машкой: нужно было успеть довести до стада, а потом бежать домой собираться. Не хватало опоздать в школу первого сентября.

Он появился на уроках лишь через неделю. Держался отстраненно, присматривался к одноклассникам. Девушки томно вздыхали, но ни одна не могла найти подход к новичку. Даже Алина, позабыв об Асе и своих планах по ее возвращению, обрушила всю силу притягательности на Рустама. Первая красавица на деревне никак не хотела упустить подходящего парня. Статный, спортивный, разбирается в математике. Чем не замена бывшей помощнице? Еще и бонус: роман можно закрутить.

Асе же было не до школьных интриг: хватит и того, что пережила из-за Алины. Лучше держаться подальше от этой компании. Погрузилась в мир уроков, книг, дополнительных занятий со Светланой Руслановной. Да и домашние дела никто не отменял: в свободное время помогала бабушке по хозяйству.

А еще были танцы. Кружок народных танцев для выступлений в деревенском клубе и танцы для себя – когда никто не видит и можно двигаться так, как хочется только тебе. Моменты единения с собой Ася особенно ценила. Ей нравилось чувствовать отклик тела на ритм музыки, ощущать свободу и безграничность души. Интуиция и творчество переплетались и рождали каждый раз новый хореографический рисунок.

И сейчас Ася спешила после очередной репетиции домой, чтобы до прихода бабушки успеть потанцевать без зрителей. Рыжик был не в счет. Хотя иногда и этого молчаливого наблюдателя приходилось выпроваживать в коридор, когда он устраивал настоящую охоту за ногами хозяйки.

Мягкое сентябрьское солнце серебрило травы и кустарники легкими нитями паутины. Теплый ветерок гонял опавшие листья. В воздухе разливались медовый аромат яблок и запах костров, в которых сжигали сухую картофельную ботву. Дымкой на горизонте стелилось ожидание прохладных дней.

Ася остановилась на несколько минут, чтобы запечатлеть в памяти игру света и теней, палитру цветов. Сохранить образы, ощущения. Прищурилась, улыбнулась и побежала дальше. Вот если бы она умела рисовать! Тогда бы смогла перенести на холст красоту осени.

– Постой! – чей-то голос вырвал из потока размышлений. Девушка обернулась. – Ты же Ася, да? – от школьных ворот к ней бежал Рустам.

– Блин, только тебя не хватало, – фыркнула себе под нос и продолжила идти. Но парень быстро нагнал.

– Давай помогу, – он протянул руку к сумке.

– Зачем? – В глазах Аси блеснуло недоверие и искорка досады: «Ну вот, надо же было испортить такой день! А то я не знаю, что ему нужно: помощь с рефератом или домашкой».

– А разве нужен особый повод, чтобы помочь девушке? – расплылся в улыбке черноглазый. На правой щеке – ямочка, на левой – следы краски, а под мышкой – холст.

– Что рисуешь? – Ася снизошла до диалога, но вещи не отдала.

– Это только наброски. Развалины у реки. Говорят, там раньше чье-то поместье было. Знаешь про него?

– Да, дом. И яблоневый сад.

– Может, расскажешь? Я как раз туда собирался идти.

– Делать мне больше нечего, – девушка толкнула калитку своего дома. – В библиотеку сходи – в книгах по родному краю есть история нашей деревни.

Быстрым шагом прошла по двору, взбежала по крыльцу, прикрыла за собой дверь и только после этого немного расслабилась. Наконец-то дома.

– Вот ведь привязался, – пробурчала Ася, сердце продолжало гулко стучать. Робко выглянула на улицу из окна своей спальни: Рустам еще стоял у ворот, смотря вслед резко скрывшейся однокласснице и озадаченно потирая подбородок.

Девушка села на пол, на колени сразу же забрался котенок.

– Эх, Рыжик, – почесала его за ухом, в ответ раздалось громкое урчание. – Сегодня мне уже не до танцев.

В школе Ася стала замечать направленный на нее задумчивый взгляд Рустама. Становилось немного неуютно, но интерес новичка приятно щекотал самолюбие. Парни редко уделяли ей внимание, в основном когда выпрашивали дать списать. Поэтому девушка смущалась, терялась, избегала встреч с неожиданно появившимся поклонником. После уроков спешила в актовый зал, где до танцев занималась растяжкой. Потом ждала Светлану Руслановну, чтобы вместе выйти из школы: их дома располагались напротив.

Но в День учителя, пятого октября, в школе прошел праздничный концерт, после которого педагоги ушли пораньше. Ася специально задержалась: хотела дожидаться, когда разойдутся и учащиеся. Особенно Рустам. Навела порядок в кабинете биологии. Посмотрела в окно на школьный двор, убедилась, что там пусто. «Ну теперь-то он точно ушел». Собрала вещи, спустилась, шагнула в прохладу осеннего вечера.

– Погода сегодня нелетная, – из-под косматой ели раздался знакомый голос, следом показался огромный черный зонт, а потом вышел и сам Рустам. – Ася, разреши проводить тебя.

Девушка огляделась по сторонам и поежилась от колких капель. «Глупо отказываться от помощи в такую погоду. Придется идти с ним».

– Хорошо, – и сделала первый шаг навстречу, после которого совместные прогулки стали частью их ученического быта.

У них оказалось много общих интересов: книги, рисование, танцы. Оба избегали шумных компаний, любили бывать на природе. Ася присматривалась к Рустаму и удивлялась: «Неужели так бывает? Мы общаемся просто так, без условий и просьб. Ему действительно от меня ничего не нужно».

Глава 9. В жизни случаются чудеса

– Да кому он нужен! – Ася усердно месила тесто, вкладывая эмоции в движения рук. В воздух взлетали мелкие облака муки, а бабушка смотрела на эту экспрессию и еле сдерживала улыбку. – Скажи мне, абием, кому пришла в голову идея с осенним балом?

– Ты же знаешь, традиция это. Каждый год для старшеклассников проводят.

– Дурацкая традиция. Не хочу идти. В прошлом году хоть повезло, дома отсиделась.

– Ничего себе «повезло»! Гипс на стопу наложили аж на целый месяц.

– Да ладно, там был перелом всего одного пальца. И уж лучше так, чем идти на глупый бал. Зато сколько книг перечитала за время отдыха. – Ася задумчиво улыбнулась, а руки продолжали заниматься тестом. Очередность действий давно усвоена: разделить пышную массу пополам, одну часть спрятать под миску, другую – расплющить, обсыпать мукой и начать раскатывать. Толстая лепешка превращалась в тонкий лист под быстрыми движениями скалки.

Когда у Мадины Талгатовны стали чаще болеть руки, Ася постепенно взяла домашние заботы на себя. Она с детства проводила свободное время рядом с бабушкой: наблюдала, запоминала, повторяла. Сначала тренировалась в играх, готовя обеды для любимой куклы Мальвины. Потом стала пробовать силы на кухне. Поэтому ей не составляло труда и замесить тесто, и нарезать лапшу: всегда получалась изящная паутинка, которая не разваривалась в бульоне.

Ася положила раскатанный круг на полотенце – подсушиться. Взяла другой, ловким движением поделила на полоски шириной по пять сантиметров, собрала их в стопки и начала резать. Из-под острия ножа вылетала идеально ровная, тоненькая лапша. Бабушка тихонько напевала и раскладывала ее на присыпанную мукой доску.

– Не хочу идти. Значит, не пойду. С тобой лучше побуду.

– Кызым, ну не будешь же ты всё время меня охранять. – Мадина Талгатовна заправила внучке выбившуюся из платка прядь волос. – Сходи.

– Ну и с кем мне пойти? – Не поднимая головы, Ася продолжила кромсать раскатанное тесто.

– А как же Рустам? – осторожно спросила бабушка.

– А что Рустам? Позвал, наверное, Алину, зря что ли она за ним увивается? – Нож еще громче и быстрее застучал по доске. – Разве она упустит такую возможность? – Ася завершила разрезать лапшу, равномерно распределила ее по поверхности, села.

Затем посмотрела в окно. Унылые капли дождя медленно ползли по стеклу. Небо заволкло тяжелыми гроздьями туч. Октябрь вредничал, прятал солнце, грозил ранними заморозками. Сад застыл в ожидании: пора было подготовить его к зимовке. Выкопать клубни многолетних цветов, укрыть кусты роз, обрезать и перевязать густую поросль малины.

– Вон сколько дел во дворе, а ты заладила «на бал сходи», – девушка перевела разговор на будничные вопросы, чтобы бабушка не угадала настоящую причину нежелания идти на праздник.

Ася, хоть и боялась признаться даже себе, надеялась, что Рустам пригласит именно ее. В отдаленном уголке души, глубоко-глубоко, теплилась искорка надежды. Вопреки испытаниям сердце продолжало верить.

– Асия, калитка хлопнула, – окликнула бабушка. – Помоги тете Зине войти.

– Иду. – Ася смахнула муку с кончиков косичек и грустные мысли из головы, накинула на плечи куртку и побежала встречать любимую тетушку. Толкнула входную дверь, поскользнулась и чуть не полетела на землю. От падения спасли крепкие мужские руки. Руки Рустама.

– Ты всегда такая резкая и быстрая? – улыбнулся парень и помог обрести вертикальное положение.

– Я вообще-то хотела встретить... – Ася попыталась собрать разбежавшиеся слова.

– Неужели меня? – огоньки смеха зажглись в сощуренных глазах.

– Вот еще! – Девушка укрылась капюшоном от морозящего дождя и изучающего взгляда Рустама, выпрямилась. – Ты чего тут делаешь? – посмотрела исподлобья и заметила, что за шутками он прячет волнение: кусает нижнюю губу, в руках тербит шапку.

– К тебе пришел. Пойдешь со мной на осенний бал? – Кривая вероятности резко изменила траекторию и устремилась в точку со стопроцентным ответом «да».

Ася онемела и лишь кивнула.

В жизни случаются чудеса, но только если впустить их в свои будни. Открыть сердце, наполнить душу верой. А не прятаться под грудой убеждений и за стеной разочарования от событий прошлого.

Глава 10. Ты можешь нарисовать свою историю

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Ася подхватила Рыжика и закружила по комнате в ритме вальса. Даже в темноте она чувствовала пространство: огибала ручки кресел, спинки стульев, выступы подоконников.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Сердце вторило музыке души, его стук пульсировал в венах. Ася не хотела останавливаться, чтобы как можно дольше сохранить теплое послевкусие вечера, наполненного танцами, общением, радостью.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Девушка прокручивала образы, оживляя в воображении каждое мгновение. Вспоминала его улыбку и взгляд. Ощущала касание руки. Как же хотелось сохранить даже самые мелкие детали бала в фотоальбоме памяти, чтобы пересматривать их вновь и вновь, перелистывая страницы. А еще Ася желала навеки запечатлеть кадры красивого документального фильма, ее фильма, чтобы быть уверенной: любовь действительно случилась с ней – в реальной жизни, а не во снах.

Котенок жалобно мяукнул, прося освободить из танцевального плена. Ася замедлилась, опустилась вместе с ним на пол, спрятала лицо в пушистой шерстке и прошептала:

– Какая же я счастливая, Рыжик. Я думала, что такое случается только с героями романов.

Тот обхватил хозяйку лапками: «Замур-р-рчательно», потом доверительно потерся об ее ладонь. Ася коснулась влажного шершавого носика:

– Всё-то ты понимаешь. Заждался меня, да? Пошли уже спать, а то завтра столько интересного предстоит. Рустам будет учить меня рисовать, представляешь? – Ася бережно уложила питомца на его любимое место. С самого первого дня в их жилище он спал только с хозяйкой. Сама забралась под одеяло. Из окна на подушку падал лунный свет: желтый диск ярким пятном сиял на осеннем небе. Чувство бескрайнего счастья сменилось тревогой. Девушка ворочалась, пыталась найти удобное положение, отгоняла мысли об Алине.

Бывшая подруга поймала Асю в коридоре, когда та отлучилась с танцплощадки в туалет, прошипела, схватив за запястье: «Ты еще получишь, что увела Рустама». Ася потеряла кожу: острые ногти соперницы отпечатались бугристыми царапинами. Тело сразу вспомнило пережитый страх: сжался от спазма низ живота, в носу возник вонючий запах алкоголя, исходивший от Алины.

Ася встряхнула кисти рук, отпуская напряжение и дурные события этого дня:

– Ну и пусть Алинка бесится, черт с ней. Всё равно ничего сделать не сможет. Он со мной теперь дружит. Со мной. – Она повторяла это снова и снова, а усталость заполнила сознание и затянула в тягучий беспокойный сон.

Ближе к девяти утра еле открыла глаза. Казалось, ночь никогда не закончится и будет мучить кошмарами, доставая из закоулков подсознания воспоминания о матери и смешивая их со страхами прошедшего дня.

Девушка аккуратно вытащила ноги из-под распластавшегося на них Рыжика. Тот поднял голову, убедился, что хозяйка в безопасности, и продолжил спать.

Ася оделась, вышла в гостиную и выглянула в окно. Земля укрылась легкой белой вуалью. Природа встретила первое утро ноября плотным туманом, который нехотя отступал под натиском солнечных лучей, цеплялся за шифер домов и верхушки деревьев, оставляя после себя искрящийся колючий иней.

– Вот бы и в жизни так: взять и заморозить всю грязь, спрятать под покрывалом радости, – произнесла девушка вслух, и губ коснулась грустная улыбка.

– Зато ты можешь нарисовать свою историю – такой, какой захочешь. – Ася обернулась на знакомый голос. В дверях стоял Рустам.

– Как ты сюда попал?

– Мамина апа³ пустила. Мы уже и чай с блинами успели попить. Собирайся, соня.

– Куда?

– Пойдем на свежий воздух – раскрашивать жизнь и учиться живописи.

³ Апа (татар.) – тетя.

Глава 11. Первые штрихи

Под ногами хрустел тонкий лед, за плечами висели рюкзаки, перед ребятами раскрывался волшебный вид. Было около нуля, но даже такой, только набирающий оборот, осенний мороз преобразил яблоневый сад: хрупкие ветки и редкие плоды посыпал щедрой горстью снежной пудры, серые камни украсил искрящимися кристаллами. Солнце с каждой минутой набирало силу, туман таял, пейзаж оживал.

Тишину нарушало громкое щебетание воробьев и размеренное журчание Кинели. В воздухе разливался аромат наступающей зимы. Ася вдохнула полной грудью, зажмурилась от восторга и яркого солнца, раскрыла руки-крылья и побежала с пригорка к реке. Рядом с Рустамом она чувствовала себя легко и радостно. Не было места сомнениям, недоверию и страху.

Добежав до яблонь, обернулась. Рустам стоял наверху.

– Спускайся, здесь еще красивее, – крикнула девушка и отправилась вглубь сада – туда, где раскинулись руины заброшенного дома.

Пока Ася бродила по развалинам, юноша спустился, выбрал место и установил простенький деревянный мольберт, сделанный руками деда. Закрепил кнопками два листа для рисования, подготовил карандаши.

– А почему их два? – рядом приземлилась Ася, поскользнувшись на промерзшей луже.

– На одном буду показывать, а другой – для тебя, – молодой джентльмен помог юной даме подняться. – Не больно?

– Да нет, нормально. Что, вот так вот сразу: взять и начать рисовать? – отряхнулась и удивилась Ася.

– Ну а чего ждать? Чтобы научиться чему-то, надо просто делать. По-другому никак. Смотри: сначала нужно наметить линию горизонта и обозначить самые крупные объекты. И только потом конкретизировать детали. Держи, – он протянул девушке карандаш.

Затем нанес первые штрихи. Ася повторила: сначала получалось неуверенно, но потом линии стали четче, движения свободнее.

– Ася, а ты ведь так и не рассказала про историю этого места.

– А ты так и не сходил в библиотеку? – В глазах Аси заиграли огоньки смеха. – Ну тогда слушай.

Еще до появления нашей деревни в начале двадцатого века этот участок около реки выкупил помещик из Саратова – Эммануил Борель. Говорят, получил его практически даром. Разбил яблоневый сад и построил дом, в котором гостил весной и летом вместе с семьей – женой и пятью детьми.

Землевладелец хорошо платил: за одну смену можно было заработать на сапоги, – поэтому к нему стали наниматься и крестьяне с соседнего Петровского. Щедрость проявлялась и в роскошном образе жизни. По рассказам старожиллов, господа часто проводили в поместье званые ужины, а супруга Бореля – Ксения Федоровна – якобы прогуливалась по саду с маленьким медвежонком на поводке. Позже участком владели и другие помещики, не только Борели, потому наши горы с тех пор называют «Барскими».

После Октябрьской революции семнадцатого года владельцев дома выселили, землю раздали местным жителям, а в здании расположили милицию. Но хранители правопорядка недолго там служили, через пару лет переехали в другое место. Говорят, по ночам здесь не раз видели блуждающий по коридорам женский призрак. Окна заколотили, про яблони забыли, а некогда ухоженный сад в тысяча девятьсот тридцатом году дал название основанной рядом деревне – Алмалы⁴.

⁴ Алмалы (башкир.) – яблоневый.

– И откуда ты столько всего знаешь?

Ася лишь пожала плечами:

– Говорю же, в библиотеке надо бывать. Я как научилась читать в неполных пять, так и стала проводить почти все время с книгами в руках. Тогда как раз закрыли детский сад, вот я и сидела в школе с бабушкой, ждала ее в читальном зале. – Ася потерла замерзшие пальцы.

– И все-таки ты – удивительная. – Рустам взял ее руки в свои, согрел дыханием. Ася замерла от ощущения тепла и нарастающей нежности. Сердце гулко стучало, возвещая о зарождении нового, еще неведомого ей чувства.

Глава 12. Зачем я с ним пошла?

– Рустам, может, не надо? Десять лет уж прошло, – старик положил дрожащую руку на плечо внуку.

– Нет, дед. Сделаю, как задумал. У Аси есть ключ от кабинета. И это будет только начало. – Рустам зло наматывал леску на катушку. – Я покажу тетя Свете, как уводить мужика из семьи подруги!

– Асию зачем впутываешь? Хорошая ведь девочка, да и любит тебя.

Рустам остановился, угрюмо взглянул в окно, мысленно прокручивая события прошедших месяцев. Сначала Галеева была для него лишь способом подобраться к учителю биологии. Он с первых дней в школе заметил, что Светлана Руслановна уделяет ей особое внимание, проводит дополнительные занятия. Вот и решил познакомиться поближе, а дальше пошло не по плану. То есть по плану, но с осложняющими обстоятельствами. Искренностью и теплом Ася раскрыла в нем давно забытые чувства, которые он тщательно прятал ото всех после смерти матери.

Ася не была похожа на других. Взгляд, манеры, увлечения – словно не у девчонки, живущей на пороге двадцать первого века, а у барышни из царской России. Тонкая, нежная, ранимая.

– Ася ничего не узнает. Она будет думать, что это просто розыгрыш.

– Нехорошо врать тому, кого любишь. – Дед взмахнул рукой, останавливая Рустама, открывшего рот в попытке возразить. – Можешь, сколько хочешь, обманывать себя. Но я-то вижу: любишь ты Асю.

Рустам посмотрел вслед прихрамывающему деду. Ну не может он сейчас бросить задумку. Слишком долго готовился, продумывал действия.

– Ася ничего не узнает, – прошептал, уговаривая самого себя и голос совести, и продолжил наматывать леску. Сегодня в десять вечера он просто возьмет ключ у Аси, а дальше пойдет один.

– А если нас заметят?

– Не дрейфь, солнце. Мы быстро, – поцеловал поделницу в дрожащую улыбку, подмигнул и скрылся за дверью.

«И зачем я с ним пошла? – Ася нервно вглядывалась в непривычно тихий школьный коридор, разрезанный яркими полосками лунного света. – Говорил же мне – останься дома». В стеклах дверей мелькнуло отражение: косички растрепал ноябрьский ветер, простое пальто грязно-серого цвета стыдливо прячет разорванные на коленке колготки – пришлось перебираться через забор.

«Видела бы меня сейчас абием! Хотя нет. Лучше бы не видела и не узнала об этом. Никогда». В голове хаотичным потоком металась мысли. Ася впервые стояла на шухере. Устав от страха неизвестности, она заглянула в класс.

Рустам возился в темном углу, подсвечивая себе фонариком в зубах. Что-то завязал, подошел к своей парте. Проверил. Отер рукавом старого свитера пот со лба, угольно-черные кудри упрямо упали на глаза. Пробормотал:

– Готово. Посмотрим, что она на это скажет.

Ася с опаской глянула на два силуэта в кабинете биологии. Один загадочно улыбался. Бездонные глазницы второго выражали немой укор. Но пути назад не было.

Завтра на первом уроке у одиннадцатого «А» вырубится свет, и начнется занятное представление: оживет Григорий – любимый помощник Светланы Руслановны. Анатомический учебный скелет.

Глава 13. Не виноват он

– Та-та-такое нельзя про-про-щать! – Указка летала в руках Светланы Руслановны, словно шпага у неумелого рыцаря. Педагог мелкими дрожащими шагами кружила по кабинету директора.

– Присядьте, милочка. Да будет вам. – Ефим Петрович порядком устал от мельтешения перед глазами. Уже час он балансировал между попытками успокоить испуганную женщину и желанием поскорее расспросить провинившегося ученика. Как тот умудрился повернуть розыгрыш? Вот бы самому увидеть! Внутренний изобретатель подпрыгивал от нетерпения, но заслуженный учитель ему не потакал и строил из себя чинного директора.

– К вам Абдуллин. Тот самый, – секретарша заговорщически подмигнула. – С дедом пришел, как просили.

Присевшая было Светлана Руслановна громко ойкнула и подпрыгнула на стуле. Указка снова пустилась в пляс.

– Спокойствие, только спокойствие, – почти пропел хозяин кабинета. Мягкая улыбка и задорные глаза выдавали доброту. Именно за это ребята его обожали и уважали, а учителя любили и ценили. Даже сложные ситуации в коллективе он решал справедливо.

– Сейчас разберемся. – Директор распахнул дверь и пригласил деда с внуком: – Талгат Мансурович, спасибо, что так быстро пришли.

– Б-быть не может, – Светлана Руслановна побелела и снова начала заикаться. На этот раз от удивления. Ошарашенный взгляд метался между двумя вошедшими. – Т-талгат абый?

– Я, – старик устало вздохнул.

– Но ведь фамилия у тебя дру... – начала было учительница, обращаясь к Рустаму, но споткнулась об его полный ненависти взгляд и замолчала. Парень стиснул челюсти и четкими выстрелами слов проговорил сквозь зубы:

– Мать. Вышла. Замуж. Во второй раз.

Светлана пригляделась к подростку внимательнее, как будто впервые его по-настоящему заметила: мешковатый костюм, худощавое телосложение, неглаженная рубашка. Упрямые завитки черных волос, завораживающая глубина темных глаз, ямочка на левой щеке – даже сквозь подростковую угловатость видны знакомые черты.

«Как же я раньше не поняла. Так похож на своего отца». Тоска о покойном возлюбленном заволочла глаза слезами.

– Почти сразу после второго замужества мать умерла. Умерла от тоски по отцу. Это ваша вина. Если бы только папа остался с нами. Она была бы жива, – злость звучала в каждом слове Рустама.

– Улым⁵, не надо, – дед коснулся плеча внука, тихонько похлопал, успокаивая.

Светлана Руслановна еще больше сникла. Ей хотелось обнять мальчика, которого знала с рождения, рассказать свой вариант правды, согреть, утешить. Но будучи опытным и чутким педагогом, она засомневалась, будет ли такое откровение уместным сейчас, поэтому сдержала эмоциональный порыв.

Ефим Петрович наблюдал со стороны. В школьный конфликт закралась семейная трагедия. Даже не зная подробностей, он чувствовал, что поможет только разговор между участниками тех давних событий.

Ася беспокойно ходила по узкому прямоугольнику коридора. В приемной было безлюдно. Татьяна Ивановна только что передала принесенный из столовой поднос в кабинет

⁵ Улым (татар.) – сынок, также используется при обращении к внуку.

шефа и теперь занималась бумагами: заполняла, складывала, сшивала. Лишь ритмичный стук дырокола временами разрывал тишину.

«А если его выгонят из школы? За хулиганство. Нужно рассказать, что Рустам не один это сделал. Я тоже помогала. Да без меня он даже в класс не попал бы». Решив сознаться, девочка рванула к двери, но наткнулась на мягкий шлагбаум: секретарь директора среагировала молниеносно и выставила руку поперек прохода к двери. За тридцать лет работы с детьми научилась предугадывать действия.

– Куда? Сказано же: ждать здесь.

– Татьяна Ивановна, не виноват он.

– Ну да. Скелет ожил от взмаха волшебной палочки. По щучьему веленью, по обще-школьному хотенью, – задорная улыбка коснулась тонкой линии губ. – Ася, там разберутся. Без тебя. Может, водички?

Ася устало мотнула головой, прислушалась. Ничего. Двойные двери в кабинете директора не пропускали ни звука.

Настенные часы отсчитали сто двадцать минут ожидания, когда в приемную вышел директор.

– Полагаю, конфликт исчерпан. Да, Светлана Руслановна? – обратился он к учительнице. Та кивнула.

– Ефим Петрович, это я... – Ася только хотела раскрыть правду, но Рустам быстро вмешался.

– Это просто Ася меня ждала. Пойдем. – Он потянул девушку к выходу, не дав произнести ни слова. – До свидания.

Ефим Петрович посмотрел вслед убежавшим школьникам и с улыбкой подмигнул секретарю:

– Хорошая пара будет. Вот увидишь, Ивановна.

Та радостно кивнула, не подозревая, как и директор, что даже искренние отношения способны разрушить обман. Едкой ржавчиной ложь проникает внутрь твердого каркаса доверия и разъедает сердечные скрепы влюбленных. Даже тех, которые, казалось бы, созданы друг для друга.

Глава 14. Прощай

Ася поправляла прическу: прятала выбившиеся пряди под невидимки, фиксировала облаком лака – по всем канонам бального выступления. В длинном платье из голубого атласа она чувствовала себя принцессой. На выпускном они с Рустамом танцуют вальс. Еще один вечер в стенах школы – и наступит свобода. Аттестат, другой город, новая жизнь. Вместе.

Учебный год пролетел в круговерти уроков, подготовки к экзаменам, свиданий и занятий живописью. Ася наслаждалась рисованием: картины получались легко, техника осваивалась интуитивно. Собралась внушительная папка с работами. Рустам предлагал подать документы в Уфимское училище искусств. Вместе. Снова вместе.

– Эй, Аська. Тебя в актовом Рустик ждет, – в гримерку заглянула Зойка, подруга Алины.

– А тебе-то что? – Ася почувствовала, как страх начинает подбираться к горлу, холодит кожу, сжимает мышцы.

– Да ниче. Попросили позвать, я передала, – девица фыркнула с высокомерием, оставив за собой приторно-сладкий шлейф парфюма и неразбериху в мыслях Аси.

– Алина ничего не сможет сделать, – Ася вновь и вновь шептала эту фразу, пока спускалась по лестнице.

Быстро прошла по коридору. Поздоровалась с педагогами.

Распахнула двери актового. Посередине зала – они. Вместе.

Она. Его. Целует.

Ася прислонилась к косяку, чтобы не упасть. Несмазанные петли дверей заскрипели. Парочка обернулась.

– Ася! – Рустам бросился к ней. – Ты не так поняла, – в глазах полыхало отчаянье.

– Что ж тут непонятного? – Алина расхохоталась. – Мы целовались, – на припухших губах усмешка. – Ты ему не нужна, наивная ботанка.

– Заткнись, – Рустам кинул острый взгляд на Алину, попытался обнять Асю, но та отстранилась.

– Ты ему никогда не была нужна. Использовал, чтоб подобраться к биологичке, – Алина продолжала язвить, кидая колкие слова в одноклассницу. Затем повернулась к застывшему с мрачным лицом парню. – Ха-ха, она не верит. Давай, расскажи своей подруге, откуда ты знаешь Руслановну. Как познакомился с Аськой, чтоб заполучить ключи от кабинета.

– Солнце, не слушай ее. Я тебе объясню.

– Что объяснишь? Что всё было обманом? – Ася вцепилась в свой воротник. Платье нестерпимо давило на грудь, не давая сделать глубокий вдох. – Не подходи.

Затем собрала остатки сил и выбежала из актового зала. Она больше не могла находиться в одном помещении с предателем. Мечты разрушились в миг. Они никогда не будут вдвоем. Никогда.

Ася выскочила на лестницу, выбежала в открытую по случаю праздника дверь, промчалась мимо учителей и толпы выпускников. Скорее. Прочь из школы. Слышала, как кто-то окликнул, но не было ни сил, ни желания останавливаться. Каблуки туфель вонзались во влажную землю, подворачивались на мелких камнях гравийной дорожки. Пышный подол платья путался в ногах, голубая ткань разукрашивалась темными брызгами грязи. На обнаженные плечи падали холодные капли дождя. В воротах школы Ася столкнулась с бабушкой: она как раз пришла к началу выпускного.

– Абием, забери меня домой, пожалуйста. – Почувствовав тепло и близость родного человека, Ася разрыдалась на плече у бабушки.

Мадина Талгатовна укрыла внучку платком и крепко обняла:

– Я рядом, кызым. Пойдем. Конечно, пойдем. – Ей не нужны были слова. Она чувствовала, что сейчас Асе необходима поддержка.

– Мадина апа, дайте мне объяснить, – подбежавший Рустам попытался их остановить, но замер. Хватило двух слов и взгляда женщины, которая оберегала Асю:

– Нет. Уходи.

Ася проплакала до рассвета. Казалось, поток слез смывает боль предательства. Но нет. Настало утро, глаза отекали и покраснели, а сердце так же ныло. Не хотелось ни есть, ни двигаться, ни жить. Ася лежала в кровати, бродила унылым взглядом по ковру на стене. В детстве, когда болела и приходилось подолгу проводить время в постели, она любила изучать замысловатые узоры, придумывать истории.

Солнце взошло, а состояние девушки не изменилось. Она так и не встала с постели. Словно через пелену дождя слышала приглушенные звуки: как бабушка готовит еду и озабоченно беседует с тетей Зиной, как выпроваживает Рустама. Ветер шумел ветвями вишни, переговаривались между собой птицы, лаяли на прохожих собаки.

Ася не знала, сколько дней она так провела. Однажды утром дождь прекратился, сквозь щель в ставнях в комнату заглянул озорной луч солнца. Девушка вышла на кухню. На плите сопел чайник, на столе высилась гора оладушек, в воздухе разливался аромат уюта и свежего меда. Через открытые окна с улицы донесся голос бабушки:

– Лежит она. Нет. Не хочет тебя видеть.

Ася вышла на крыльцо. Нужно было прекратить эти хождения.

– Абием, я поговорю с ним. Ты иди в дом. Мы здесь будем, во дворе.

Мадина Талгатовна взглянула в глаза внучки. Почувствовала: справится. Коснулась ее плеча, затворила дверь.

– Солнце, прости меня. Знаю, надо было сразу рассказать. – Парень опустил голову, боясь поднять на нее взгляд.

– А ты сейчас расскажи. – Ася присела на скамейку. Рустам начал распутывать историю.

Девушка слушала и молчала. Смотрела, как солнце просачивается через крону рябины и рисует узоры теней на земле. Наблюдала, как пчелы медленно перелетают с цветка на цветок и собирают пыльцу. Замечала, как жизнь течет вокруг нее.

– Прости меня, – вновь повторил Рустам. – Я тебя люблю. Правда, люблю, Ася.

– Знаешь, я тебя тоже люблю. И от этого еще больше. Мы не сможем быть вместе. Ты меня обманул.

– Ася... – Рустам попытался коснуться ее руки, но она встала и сделала шаг в сторону.

– Нет. Ничего не изменить, – Ася чувствовала, как сердце сжимается, но голос оставался ровным. – Пожалуйста, уходи и больше здесь не появляйся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.